

ЖИЗНЕННЫЕ ШАНСЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Андрей Вячеславович Дияжев^а

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-3-82-92

а Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: В современном научном дискурсе особую значимость приобретает исследование жизненных шансов современной молодежи, а также целесообразность обсуждения латентных причин, побочных эффектов и прямых последствий реализации (или нереализации) имеющихся возможностей для развития. Сложная геополитическая обстановка и динамично меняющаяся экономическая ситуация могут создавать как условия для самореализации, так и преграды для достижения желаемых целей, однако жизненные шансы как соотношение объемов возможностей и лишений определяются гораздо большим спектром обстоятельств. Существенный разрыв в объеме жизненных шансов у различных представительных групп российской молодежи может гипотетически усиливать социальное неравенство, неблагоприятно сказываться на функциональности социальных институтов, призванных содействовать развитию молодых людей и стимулировать стремление к социальной активности. В условиях неопределенности и социальной напряженности такое стремление может не находить свое отражение в жизнедеятельности молодежи не только в связи с невозможностью, но и в связи с нежеланием. Одним из наиболее тревожных признается диссонанс между реальными и провозглашаемыми жизненными шансами – разницей между тем, на что люди могут сравнительно объективно претендовать, и тем, что субъективно оценивается ими как достижимое или недостижимое. По результатам проведенного содержательного анализа было установлено, что, несмотря на всестороннюю поддержку государства и наличие большого числа социальных лифтов, определенная доля молодежи скептически относится к перспективе своего карьерного и личностного роста, что может препятствовать их саморазвитию. Исходя из этого, возникает необходимость установить явные и латентные причины данного скептицизма в отношении собственного человеческого потенциала в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: молодежь, жизненные шансы, жизненные условия, жизненные возможности, жизненные депривации, социальное неравенство, самореализация

Дата поступления статьи в редакцию: 14 января 2024 года.

LIFE CHANCES OF YOUTH UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Andrey V. Diyazheva

RESEARCH ARTICLE

a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: In today's scientific world, it is crucial to study the life chances of contemporary youth and discuss the direct and indirect consequences of the realization (or non-realization) of available development opportunities. While a dynamically shifting economic situation and a complex geopolitical environment can both create barriers to reaching one's goals and conditions for self-realization, a much wider range of circumstances determine life chances as a ratio of opportunities to deprivations. Significant differences in life chances between various representative groups of Russian youth can worsen social inequality and negatively impact the efforts of social institutions that support youth development and foster their desire for social interaction. Due to a combination of reluctance and impossibility, young people may not realize these aspirations in the face of social tensions and uncertainty. One of the most unsettling reasons is the dissonance between declared and actual life chances – the gap between what people subjectively believe to be possible and what they can reasonably claim. According to the findings of the substantive analysis, a certain percentage of young people are pessimistic about the possibility of their professional and personal development, which could impede their growth, even in the face of extensive state support and many social support programs. Given this, it becomes apparent that there is a need to establish the explicit and latent reasons for this skepticism about one's human potential in further research.

Keywords: youth, life chances, life conditions, life opportunities, life deprivations, social inequality, self-actualization

Received: January 14, 2024.

Введение

Несмотря на то, что в последнее время ведется активная работа государственных и негосударственных структур по оказанию содействия в карьерном выборе, всесторонней поддержке молодых семей и юных предпринимателей, активное вовлечение молодежи в культурную и социальную жизнь гражданского общества, в частности, путем расширения спектра возможностей для участия в ее различных сферах с использованием цифровых технологий, сравнительно небольшое число из тех, на кого направлены эти меры, проявляют к ним интерес. Ряд социальных потрясений последних лет не могли не отразиться на самочувствии российского общества: пандемия, экономические и политические санкции недружественных стран, распространение русофобской риторики, информационное давление, а также череда других явлений. Все это могло поспособствовать росту социальной напряженности и неопределенности, которые свойственны многим современным обществам.

Жизненные шансы современной российской молодежи

Молодежь, как одна из наиболее важных, но в то же время уязвимых категорий населения, зачастую сталкивается с трудностями на пути к профессиональной и личностной самореализации, однако неспособность обеспечить себе достойную жизнь, повысить свое положение в социальной иерархии и добиться успеха далеко не всегда обусловлена объективной невозможностью. Порой люди, имеющие широкий спектр возможностей и узкий спектр деприваций, могут попросту не хотеть добиваться улучшения качества жизнедеятельности или же субъективно воспринимать его недостижимость по ряду неочевидных причин. Неверие в собственный потенциал или сильная эмоционально-психологическая подавленность от обилия жизненных лишений могут выступать в качестве основных прекурсоров пассивного бездействия и низкой социальной вовлеченности, что может расцениваться как серьезная социальная проблема с далеко идущими последствиями.

Понимание и осмысление того, каким образом совокупность жизненных возможностей и деприваций влияет на положение человека в социальной структуре, а также какие факторы могут влиять на формирование субъективных оценок собственного человеческого потенциала и перспектив его реализации, может позволить определить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди в попытке улучшить качество жизни, и найти возможные пути их решения. Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью теоретико-методологического изучения проблем молодежи на пути к реализации

социального, экономического, культурного и политического потенциала ее представителей, углублением противоречий между реальными возможностями и лишениями молодого поколения и условиями их реализации, порой субъективно воспринимаемыми.

Сущность понятия «жизненные шансы»

За последние годы научный интерес к проблематике жизненных шансов в российской исследовательской среде неуклонно растет, о чем свидетельствует рост числа публикаций, посвященных данной теме¹. Это может быть обусловлено как попытками ученых найти решение проблемы наблюдаемого усугубления социального неравенства в российском обществе [Каравай, 2019. С. 365], так и объективным запросом государства и общества на повышение уровня благополучия и благосостояния граждан. О стремлении государства бороться с бедностью в стране и обеспечивать комфортные условия для всестороннего развития человеческого ресурса не раз заявляли высшие должностные лица². Несмотря на то, что первые попытки концептуализировать и операционализировать данный теоретический конструкт были предприняты представителями западной социологической науки, научный интерес к этой теме в России также неподдельно высок, причем как в исследовательской среде³, так и среди пользователей Интернета в принципе⁴.

Впервые концепция жизненных шансов была введена в научный оборот немецким социологом и родоначальником интерпретивной парадигмы и понимающей социологии М. Вебером в рамках его теории стратификации [Weber, 1994. Р. 64]. Ученым была предпринята попытка несколько абстрагироваться от экономического детерминизма, лоббируемого в качестве принципиального подхода к пониманию классовой дифференциации многими учеными его времени, и включить в фокус исследовательского спектра социальные, политические и культурные факторы, влияющие на положение индивида в социальной иерархии

1 В соответствии с результатами поискового запроса «жизненные шансы» на сайте ELibrary. https://elibrary.ru/query_results.asp

2 Путин назвал снижение бедности в России основной целью правительства. [https://iz.ru/1366401/2022-07-18/putin-nazval-snizhenie-bednosti-v-rossii-osnovnoi-tceliu-pravitelstva](https://iz.ru/1366401/2022-07-18/putin-nazval-snizhenie-bednosti-v-rossii-osnovnoi-tseliu-pravitelstva)

3 В соответствии с результатами поискового запроса «жизненные шансы» на сайте журнала «Социологические исследования» («СОЦИС»). <https://www.isras.ru/search.php?search=%E6%E8%E7%ED%E5%ED%ED%F-B%E5+%F8%E0%ED%F1%FB&exactly=on>

4 В соответствии с результатами поискового запроса «жизненные шансы» на цифровых платформах Google Trends и Яндекс Wordstat.

Социум

и определяющие его потенциал к социальной мобильности. Такой подход был направлен на выделение более четких границ между классами гетерогенного западного общества, которое, по мнению Вебера, не следовало стратифицировать на два класса в соответствии с логикой марксистской теории.

Тем не менее значимость роли экономических факторов в детерминации положения человека в обществе не только не отрицалась, но и выносилась на передний план, хотя общность жизненных шансов относится к возможностям обладания не только экономическими, но и неэкономическими благами. Ключевым понятием для понимания роли и места жизненных шансов в теории стратификации стала «классовая ситуация», репрезентирующая собой наиболее распространенные шансы по продуцированию благ, экзогенных жизненных условий (особенностей повседневной жизни) и аккумулируемого опыта (особенностей мировоззрения и поведения). Многомерность подхода Вебера заключается в следующем: отсутствие паритета жизненных шансов во всех сферах жизнедеятельности у разных людей позволяет включить в классовый анализ ряд факторов, которые реально могут воздействовать на изменение положения индивида в структуре общественной системы. Ученый полагал, что схожесть жизненных шансов обусловлена схожестью классовой ситуации, в рамках которой существуют примерно одни и те же паттерны потребления, практики для достижения специфического социального положения и возможности обретения внутренней удовлетворенности.

Однако, как было отмечено ранее, экономическая сторона вопроса все равно является ключевым звеном в модели стратификации – любая собственность, которая приносит своему владельцу доход, автоматически наделяет его определенной долей власти и контроля над сегментом рынка и/или продукцией собственного труда. Это основание для подразделения на классы, согласно Веберу, позволяет выделить класс собственников (владеют капиталом) и так называемый достижительный класс (управляют капиталом), представители которого добиваются материального благополучия посредством своих знаний и навыков в сфере услуг. К числу тех, кто не получал денежное довольствие от ренты или знаний, Вебер относил мелкую буржуазию (самозанятых) и рядовую интеллигенцию, причем гетерогенность последней группы обуславливает разнообразие жизненных шансов ее представителей, что порой затрудняет определение их места в социальной иерархии и прогнозирование некоторых их социальных действий. Для более четкого отнесения тех или иных людей к одному классу Вебер разработал условную категорию степени привилегированности классовой ситуации, которая может быть либо позитивной, либо негативной.

Для класса собственников позитивная привилегированность выражалась, прежде всего, в возможности приобретения дорогих товаров и услуг, накопления собственности и монополизации рынков сбыта и престижных разновидностей образования. Позитивная привилегированность достижительного класса отражена в возможности монополизации сферы управления эффективных компаний и обеспечения стабильности своего экономического положения. Интеллигенция также могла претендовать на возможности получения престижного образования и ренты от отдельных видов материального имущества, в то время как остальные группы за редким исключением вообще не характеризуются наличием позитивной привилегированности. Для них скорее характерна негативная привилегированность, так как они в гораздо большей мере по сравнению с остальными классами подвержены рискам «жизни в долг», отчуждения и отсутствия возможности приумножить нажитое и сохранить имеющееся.

Таким образом, классическая трактовка «жизненных шансов» (по Веберу) сводится к следующему: одни классы имеют широкие возможности для процветания и низкие риски для экономической и социальной деградации, в то время как другие, напротив, объективно не претендуют на реализацию возможностей аккумуляции всякого рода капитала и при этом максимально подвержены рискам резкого ухудшения благосостояния и иным отрицательным эффектам. Однако при этом важным критерием попадания в ту или классовую ситуацию является не только сугубо экономическое положение, но и социальный статус, и субъективная удовлетворенность положением дел. Это означает, что даже с учетом строго заданных экономических условий многие индивиды или группы могут иметь некоторую комбинацию возможностей и рисков, которая, с одной стороны, позволяет им улучшать свое положение, но с другой – страдать от некоторых бедствий и стагнации.

Ряд ученых, заинтересовавшихся концепцией Вебера, внесли свой вклад в ее развитие – такие исследователи, как Э. Гидденс, Д. Эйцен, М. Зинн, Р. Брин, П. Бурдьё и др., сосредоточивали внимание на двойственном характере возможностей и рисков как прямой репрезентации шансов, что отражалось преимущественно в том, как эти исследователи, руководствуясь и развивая логику мышления Вебера, разграничивали области, которые охватывали как экономические сферы жизнедеятельности социума, так и неэкономические [Giddens, 1973; Eitzen, Zinn, 1989; Breen, 2005; Bourdieu, 1966]. В частности, выделенный пласт исследователей относит сферы экономической безопасности, производственную, образования / здоровья и потребления к основным экономическим доменам, в то время как неэкономические сводятся к

специфике проведения досуга, духовного развития и эмоционально-психологической устойчивости как тех характеристик, которые, порой являясь производными от экономических, выступают в качестве самостоятельных параметров, определяющих удовлетворенность индивида своим положением в обществе.

Наиболее примечательной чертой неовеберовских подходов к стратификации по жизненным шансам является усиление значимости неэкономических доменов. В сфере экономической безопасности возможности и депривации являются вполне очевидными (к примеру, наличие накоплений или существенных долговых обязательств соответственно) [Van Kempen, 1994. Р. 999]. В производственной сфере возможности и риски также сравнительно транспарентны, например, возможность влиять на принятие решений в сфере труда или риск отчуждения от него или его результатов [Erikson, Goldthorpe, 1992. Р. 14]. То же касается и сфер образования и здравоохранения (наличие или отсутствие доступа к качественному и/или престижному образованию и медицине), потребления и досуга (с одной стороны, возможность потребления качественных продуктов и их накопления, с другой – пищевые депривации и плохие жилищные условия) [Chan, Goldthorpe, 2007. Р. 525].

Гораздо сложнее обстоит ситуация с неэкономическими доменами: в условиях общества позднего модерна широко признается значимость нематериальных составляющих активов людей, поскольку приятный и активный досуг рассматривается как одно из ключевых условий для формирования человеческого и социального капитала, а также ряда ценных с производственной точки зрения особенностей личности [Gershuny, 2003. Р. 84]. Качество и содержание досуга также позволяет установить, способен ли человек придерживаться конкретного жизненного стиля, соответствующего его социальному статусу [Scott, 2007. Р. 30]. Кроме того, ранее упомянутый параметр степени удовлетворенности собственной жизнью, включающий субъективные оценки как общих условий, так и вполне конкретных – политических, гражданских, культурных и религиозных, постулирует, что чем выше удовлетворенность в различных сферах жизнедеятельности, тем выше вероятность того, что стресс или негативные события будут переживаться легче, что может иметь непосредственный эффект на производительность в учебе, работе или ином виде деятельности [Daston, 2008. Р. 5].

Для изучения жизненных шансов такой категории населения, как молодежь, следует несколько адаптировать упомянутые домены, для того чтобы отразить наиболее типичные для данной когорты жизненные условия, депривации и возможности. Как писал российский социолог В.И. Ильин, возможности реализа-

ции своего человеческого и социального капитала, даже при условии равных «стартовых позиций», могут существенно различаться. В данной ситуации играют важную роль как внешние, так и внутренние факторы. К внешним факторам относится положение на рынке труда в том регионе, где проживает человек: наличие или отсутствие рабочих мест, конкуренция между потенциальными работниками, предлагаемый уровень заработной платы и т.д.

С другой стороны, многое зависит и от внутренних качеств человека – от уровня способностей, от свойств характера и личности, таких как воля, настойчивость, коммуникабельность, когнитивные и интеллектуальные особенности, наконец, от желания и мотивации реализовать свой человеческий капитал как можно более успешно. Поскольку и внешние, и внутренние факторы могут быть разными, в связи с этим и возможность воспользоваться «жизненными шансами» у индивидуумов с примерно одинаковым образованием и социальным положением может быть различной [Ильин, 2023. С. 33]. Это свидетельствует о том, что порой при наличии одних и тех же возможностей в схожих жизненных условиях одни люди делают выбор в пользу одной адаптационной стратегии поведения, а другие – в пользу совершенно иной.

Иными словами, в жизни ряда представителей общества может возникнуть такая ситуация, при которой у них будет множество объективных возможностей улучшить или поддерживать свое благосостояние (при столь же объективно благополучном положении в обществе), однако препятствовать этому будет либо нежелание проявлять активность, либо неверие в наличие таких возможностей или же в успех их реализации. Аналогичная ситуация может возникнуть и у экономически бедствующих, финансово ограниченных и низких по социальному статусу людей – даже наименее образованные, уважаемые и умелые личности порой прокладывают себе дорогу к большому успеху, причем довольно стремительно. В связи с этим постулируется особая значимость рассмотрения субъективных самооценок и самоощущения, необходимость учета не только объективных реалий, но и внутренних чувств и личных качеств, вроде целеустремленности или ощущения безнадежности, пассионарности и пассивности, особенно в условиях современного социума – крайне динамичного и сложного.

В целом дополненная веберовская концепция позволяет судить о положительной или негативной привилегированности посредством фиксации девиации от социальной нормы в конкретном обществе. Подобная гибкость позволяет применять ее не только для стратификации западных обществ, но и любых других, если исследователем учитываются типичные для заданного социума образцы потребления, фи-

Социум

нансовые обязательства, источники дохода, формы гедонии и т.д. и т.п.

Как было установлено ранее, ключевыми (но не единственными) доменами, в рамках которых следует измерять жизненные возможности и депривации людей, являются сфера экономической / финансовой защищенности, производственная / трудовая сфера, сфера образования / здравоохранения и сфера потребления / досуга.

Стратификация российского общества по жизненным шансам

К одной из наиболее комплексных и многомерных вариаций стратификации российского общества по жизненным шансам можно отнести ту, суть которой изложена в коллективной монографии под названием «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России». В ней было реализовано сразу несколько современных теоретико-методологических подходов. В результате ученым удалось не только сгенерировать интегральную модель социальной структуры, но и определить наиболее дефицитные возможности, риски и депривации граждан нынешней России, иерархизировать позиции разных групп в социальном пространстве, оценить жизненные шансы в динамике на групповом и индивидуальном уровне.

Согласно результатам этого исследования, российское общество в целом можно разделить на три крупные страты. Для первой из них – самой малочисленной, верхней – характерна позитивная привилегированность с низкими рисками и депривациями, в то время во второй из них – средней по численности представителей, нижней – доминирует негативная привилегированность и низкие возможности. Средняя страта, как самая многочисленная, репрезентирует собой социетальную норму, которая позволяет установить промежуточное положение между экстремумами видов привилегированностей. При этом было установлено, что в условиях российской действительности выделенные страты отличаются между собой в объеме возможностей в большей степени, чем они дифференцированы по рискам и депривациям [Аникин, Каравай, Лежнина, Мареева, Слободенюк, Тихонова, 2022. С. 98].

Помимо того что данная модель отличается чрезвычайно проработанной структурой и внушительным объяснительным потенциалом, в ней также четко прослеживается роль субъективных оценок респондентов. Как было отмечено, порой субъективные оценки имеют потенциал детерминировать социальное самочувствие индивидов в большей степени, чем объективные реалии их жизни, пусть и последние во многом формируют первые. Благодаря тому, что исследователи уделили этой теме отдельное внимание,

им удалось сопоставить субъективные оценки своего положения, каким оно должно было бы быть исходя из представлений об идеалах социальной справедливости, с объективным положением этих людей. В результате был сделан следующий вывод: представители нижней страты (негативно привилегированных, наиболее депривированных и подверженных множеству рисков и имеющих ограниченные возможности) характеризуются более низкой самооценкой своих позиций в обществе и более низкими ожиданиями и запросами касательно перспектив изменения их положения в лучшую сторону.

Таким образом, субъективная стратификация связана как с положением в иерархии и соответствующим ему объемом жизненных шансов, так и с содержанием запросов на то, как должно или не должно быть и как могло бы быть при более справедливом (в субъективном понимании этого слова) раскладе в жизни. Однако насколько сильно такая тенденция может влиять на стремление к успеху, предприимчивость в труде и активность в социальных интеракциях среди молодых людей, на данном этапе сказать затруднительно, что подчеркивает необходимость проведения эмпирического авторского исследования на последующих этапах работы.

Первичная оценка потенциала самореализации молодежи в РФ

Молодежь представляет собой крайне гетерогенную и весьма сложную по своей структуре социальную группу, подходы к определению границ которой в научной исторической традиции варьировались в зависимости от особенностей социальной проблемы, носителями которой являлись ее представители [Маслодудова, 2023. С. 33]. Тем не менее в настоящее время, согласно российскому законодательству, молодежью признаются лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно, что юридически разграничивает данную возрастную категорию от остальных различиями в наборе располагаемых гражданских, экономических и политических прав и обязанностей, а также в психологических и социальных особенностях (Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»). Такой подход применяется для определения обширного спектра мер по оптимизации взаимодействия государства с отдельными группами населения, однако, по мнению некоторых исследователей, данный подход не позволяет сформировать целостный образ устойчивой и схожей по ряду внутренних признаков категории лиц и умозрительно обособить ее от остальных групп населения [Егоров, 2021. С. 44].

Очевидно, что имеет место необходимость установить условные возрастные рамки, которые спо-

собствовали бы конструированию цельного образа молодежи как объединения, характеризующегося общностью экономических, политических, социальных и культурных условий. Эта необходимость обусловлена теми проблемами, которые объединяют молодых людей сразу по множеству признаков, а не только по возрасту. Возраст, бесспорно, выступает в качестве определяющего и дифференцирующего признака, однако не позволяет получить более глубокое и комплексное представление о социальном положении молодежи и о том, как именно молодые люди ощущают социум и свое место в нем [Максимов, 2022. С. 160]. Кроме того, в условиях современности, когда даже приблизительные интервалы перехода во взрослое состояние, понимаемое как обретение самостоятельности, независимости и обеспеченности, являются довольно размытыми и варьируются от индивида к индивиду в зависимости от распределения социального и экономического капитала, индивидуальных особенностей социализации и личности и т.п. [Вершловский, 2013. С. 11], конструировать сколько-нибудь универсальный портрет молодого человека весьма затруднительно. Следовательно, требуется установить условные границы, которые бы служили отправной точкой на пути к сужению объекта исследования в интересах обеспечения качественного разбора проблематики жизненных условий и жизненных шансов молодежи.

Признаки поколенческой дифференциации

Поколенческий подход, исходящий из допущения, что рожденные в одной социокультурной среде люди переживают одни и те же события в ключевой период формирования личности [Мангейм, 2000. С. 33], постулирует не просто описывать интересующую исследователя целевую группу, а выделить такую подкатегорию, которая обладает как универсальными для всей категории чертами, так и уникальными на уровне подкатегории. В контексте данной работы под целевой группой молодежи понимается такая возрастная когорта, которая характеризуется признаками, описанными далее.

Во-первых, она относительно самостоятельна, взаимодействие ее представителей друг с другом и внешней средой обусловлено общностью исторического и социокультурного контекста развития личности, а также характеризуется сравнительной схожестью карьерных траекторий и свойственных поведенческих стратегий [Плисюк, 2015. С. 90]. Такие характеристики отнюдь не указывают на категоричную гомогенность этой группы лиц, а лишь очерчивают наиболее общие ее границы.

Во-вторых, важным признаком поколенческой дифференциации может выступать такой индикатор, как уровень психологической зрелости индивида.

Психологически зрелый человек готов нести ответственность не только за свои поступки, но и за других людей – за детей и партнера. Одним из индикаторов психологической зрелости является готовность к вступлению в брак и к продолжению рода [Максимов, 2020. С. 161].

Согласно теории взросления американского психолога Дж. Арнетта, в 18–25 лет юноши и девушки проходят этап, который исследователь назвал «*emerging adulthood*», что в дословном переводе с английского означает «превращающийся во взрослого». Это этап, который соединяет подростковый и взрослый периоды [Arnett, 2001(a)]. Данный период характеризуется поиском себя, своего места в мире, отсрочиванием брака и рождения детей, экспериментированием над идентичностью, внешностью, профессиональной специализацией, финансовой зависимостью и т.п. Отмечено, что в условиях кризисных явлений и вызванной ими неопределенности будущего такой период затягивается: значительная доля молодежи откладывает вступление в «официальный» брак, предпочитая совместное проживание «без обязательств». Как правило, в качестве оправдания выдвигается аргумент, что добрачное сожительство – это способ «проверить чувства», но исследования показывают, что причина – именно в нестабильности, в отсутствии прочной уверенности в завтрашнем дне. По этой же причине многие молодые люди откладывают на неопределенный срок и рождение детей [Коблева, Каратабан, Губжюкова, Мамижева, 2023].

Таково существенное отличие данной возрастной категории от категорий «позднего отрочества» («*late adolescence*»), то есть возраста от 14 до 18 лет, и «переходной зрелости» («*young adulthood*»), то есть возраста от 25 до 30 лет [Arnett, 2001(b)]. Это означает, что возраст 25 лет является своего рода рубежом для современной молодежи, после преодоления которого, как правило, личность приобретает большую устойчивость, а пластичность функции когнитивного познания мозга ослабевает [Стейнберг, Лоуренс, 2017]. В то же время подростки старше 14 лет в существенно меньшей степени схожи со своими 18–25-летними современниками, чем последние с молодыми взрослыми [Тимченко, 2023].

В-третьих, в отечественной статистической традиции принято выделять три когерентные группы по экономическому признаку: начиная от 19 лет – группа, состоящая в материальной зависимости от родителей и нацеленная на профессиональное самоопределение, от 24 до 28 лет – активно интегрирующаяся в социально-профессиональную среду и обретающая финансовую независимость, и группа от 29 лет, для которой характерно состоявшееся профессиональное и социальное самоопределение и увеличивающийся набор социальных ролей [Плисюк, 2015].

На основании вышеперечисленных аргументов наиболее приемлемым признается исследование группы лиц в возрасте 24–29 лет, поскольку те репрезентируют собой такую долю молодежи, многие представители которой уже обрели сравнительную финансовую и психологическую независимость от третьих лиц, но еще не стали высококвалифицированными специалистами в трудовой среде [Лазарев, Чирун, 2020. С. 70]. По этой причине велика вероятность достоверности предположения о том, что данная группа не только может сформулировать исчерпывающий список возможностей и деприваций, которыми они располагают и которые претерпевают, но и отразить, высказывая свое субъективное мнение, те проблемы, с которыми сталкиваются непосредственно, и дать сравнительно беспристрастную оценку своему положению и шансам на успех самореализации [Деникин, Деникина, Проскурина, 2022. С. 16].

Отмечено, что работающей молодежи, способной самостоятельно обеспечивать свои жизненные потребности, свойственно резко критическое отношение к государству и государственной власти, они не принимают на веру пропаганду патриотизма, и для них «социум» не равен стране или государству [Шабунова, Уханова, Косыгина, 2023. С. 168]. Доверие молодежи по отношению к государственным институтам находится на крайне низком уровне, «повседневный патриотизм» совершенно не присущ российской молодежи [Mareeva, 2018. P. 233]. В особенности ярко эта тенденция проявляется в настоящее время, когда (в связи с известными событиями) наблюдается рост индивидуализма и эскапизма. Самореализация для современных молодых людей гораздо важнее необходимости действовать по указанию государства и для блага государства [Демиденко, 2023. С. 119].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России проживают около 8 млн 24–29-летних (5,5 % от всей численности населения), при этом подавляющее большинство из них трудоспособны⁵. В Центральном федеральном округе сосредоточено наибольшее число мужчин и женщин, на них приходится наибольший удельный вес в сравнении с остальными федеральными образованиями, что подкрепляет необходимость рассматривать проблематику на примере крупного мегаполиса. В мегаполисе вроде Москвы и Санкт-Петербурга представлены самые разнообразные категории лиц, различных этносов, происхождений, мест рождения и т.д. [Mareeva, 2018. P. 234]. В том случае, если удастся выявить валидные оценки «приезжих», сопоставив их с «коренными», появляется возможность судить не только об обстановке в заданном городе, но и о регионе в целом.

О субъективной вере молодых людей в наличие возможностей самореализации свидетельствуют данные ряда открытых исследований. К примеру, отдельные независимые опросы показывают, что в целом молодежь России не только видит возможности для развития, но и активно пользуется инструментами, позволяющими аккумулировать как человеческий, так и финансовый капитал [Валеева, 2023. С. 27]. Так, 76 % опрошенных россиян считают, что в РФ созданы необходимые условия для самореализации молодых людей, из них 59 % видят условия для развития молодежи в регионе проживания⁶.

Многие авторы отмечают ключевое значение самореализации для становления личности молодого человека. По мнению исследователей, социализация и самореализация – два ключевых фактора, обеспечивающих полноценное вхождение молодых людей в мир стремительно меняющегося общества. Однако анализ первого компонента доминирует на стадии социального становления индивида, а второго – его включения как сформировавшейся личности в общественные и производственные отношения. Дополнительно авторы констатируют: в индустриальном обществе самореализация молодежи «молодеет», оказывая мощное воздействие в первую очередь на распределительные отношения [Горшков, Шереги, 2020. С. 69]. Сама молодежь в подавляющем большинстве случаев также выражает согласие с тем, что в стране существуют необходимые условия для самореализации, в том числе и на уровне конкретного региона [Gorshkov, Sheregi, 2018. P. 862]. Кроме того, именно молодое поколение проявляет большую готовность к гражданской активности в цифровой среде [Парма, 2022. С. 31], на развитие чего и направлена текущая молодежная политика РФ.

Однако при этом рейтинг наиболее острых проблем современной молодежи возглавляет трудоустройство⁷. Абсолютное большинство россиян указывают на наличие серьезных экономических (и не только экономических) проблем в стране, причем около половины из них считает, что страна находится в экономическом кризисе. Индекс потребительской уверенности принимает отрицательные значения. Кроме того, порядка 42 % опрошенных не ожидают стабилизации обстановки в ближайший год, что свидетельствует о весьма пессимистичных прогнозах⁸.

На проблемы на рынке труда указывают многие эксперты: за последний год число молодых работни-

5 <https://rosstat.gov.ru>

6 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring>

7 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring>

8 <https://romir.ru/studies/potrebitelskaya-uverenost-rossiyan-ushla-v-otricatelnyy-zonu>

ков моложе 35 лет сократилось почти в полтора раза, причем половина из них – молодые люди в возрасте 25–29 лет [Деникин, Деникина, Проскурина, 2023. С. 66]. В результате в настоящее время примерная численность юных сотрудников составляет исторический минимум в 29,8 % от всего населения страны⁹. К ключевым трудностям, с которыми сталкивается молодежь, начинающая свой профессиональный путь, относятся неудовлетворенность качеством образования, невозможность самореализации по полученной профессии по месту жительства, а также уровень заработной платы, не обеспечивающий удовлетворения набора потребностей, формируемых рыночной экономикой [Устинкина, Никитина, 2023. С. 48].

Трансформация определяющих ценностных установок

Важный аспект, который современные молодые люди выделяют как ценность – это возможность творчества, креативности [Люберцев, 2023. С. 26]. Если представители старших поколений определяют в качестве ценностной установки «социальность», «пользу для общества», «единые ценности», то представители молодого поколения допускают, что ценностные установки личности могут не совпадать с соответствующими установками социальной группы и всего общества в целом [Исаев, Алексеенко, 2023. С. 33]. Современная креативная культура благосклонно относится как к трансформации ценностных установок, так и к их конкуренции между собой. В таком изменчивом, адаптивном социальном пространстве происходит формирование личности у молодых людей [Михеева, 2023. С. 143].

В «креативной» системе ценностей на первом месте стоит личность, ее уникальность, персональные качества, выделяющие человека из «серой толпы». Потребительские аспекты также весьма значимы. Для современной городской молодежи очень большое значение имеет потребление – и само по себе, и как определяющая ценностная установка. В этом и состоит причина неуверенности, тревоги относительно будущего – возможные проблемы с профессиональной деятельностью и получением дохода могут негативно отразиться на уровне потребления [Шелгинская, 2023. С. 19].

Таким образом, в рамках рассматриваемой проблематики особый научный интерес представляют возможности социального и профессионального самоопределения, условия и содержания труда, наличие инструментов для обеспечения достойного досуга или, напротив, неимение базовых средств для предания себя гедонии [Лифанова, Кривоносова, Ерохов,

2023. С. 111]. Финансовая независимость и социальное самоопределение, психологическая зрелость потенциально могут значительно влиять на процесс восприятия окружающей действительности и собственного положения в обществе [Ситникова, 2023. С. 55]. Также финансовая независимость и социальное самоопределение, наряду с общностью социокультурного контекста бытия, являются теми сферами жизнедеятельности молодежи, которые следует пристально изучить с точки зрения логики современной теоретико-прикладной концепции жизненных шансов как совокупности возможностей и лишений, существующих в определенной пропорции. При этом важно оценить позитивную и негативную привилегированность не только сквозь призму объективных реалий (например, размера дохода, долговых обязательств, пищевого разнообразия или недоедания и т.д.), но и установить, какие жизненные условия, события и инциденты повлияли на наблюдаемое отношение к себе, собственным силам и ресурсам, возможностям и ограничениям.

Заключение

На основе приведенных выводов одна из гипотез дальнейшего эмпирического исследования заключается в том, что существование конкретных препятствий для самореализации молодежи демотивирует молодых людей в такой степени, что они не стремятся воспользоваться имеющимися возможностями и преодолеть депривации. В настоящее время среди молодежи преобладают пессимистические настроения, молодые люди испытывают страх за свое будущее и не ощущают уверенности в завтрашнем дне. Одна из причин для беспокойства – это трудности в поисках перспективной работы с достойной оплатой труда.

Общее состояние дел в обществе и государстве молодые люди оценивают как «кризисное». Состояние неопределенности влияет на жизненные стратегии и брачное поведение молодых людей – многие современные юноши и девушки не стремятся к вступлению в брак и рождению детей, потому что не видят устойчивых позитивных перспектив. По этой же причине у молодежи возникают проблемы с самореализацией, которая, наравне с социализацией, является одним из обязательных условий зрелости личности. Следствием всех этих обстоятельств является определенная психологическая и социальная незрелость, инфантилизм, который присущ современным молодым людям.

Обратная ситуация может быть также верна и для тех лиц, которые не обладают достаточно перспективными стартовыми возможностями для самореализации, но тем не менее по ряду причин стремятся обеспечить себе более предпочтительные условия жизни. Диссонанс между фактическими жизненными

⁹ <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/6433e7499a7947356c70a065>

Социум

возможностями и лишениями, воспринимаемыми как таковые, может вести к усугублению жизненных рисков и сокращению жизненных возможностей, в том числе на уровне субъективного восприятия.

Однако именно эта субъективность гипотетически может помочь определить, что именно важно молодому человеку для улучшения его эмоционально-психологического и социального самочувствия, какие факторы имеют наибольшую нагрузку, отражаясь на процессе его мышления, что детерминирует его поведенческие практики и формирует персональное мнение как в отношении собственных возможностей,

так и с оглядкой на общественное мнение в целом. Возможно, что для части молодых людей возникающие трудности могут послужить не только поводом для депривации, но и своего рода мотивирующим фактором, однако для этого требуется в достаточной степени адекватная самооценка.

Вероятнее всего, чем интенсивнее проявляется заблуждение в отношении собственного человеческого потенциала, тем хуже на практике реализуются его фактические инструменты. Данные научные изыскания подлежат обязательной эмпирической проверке в ходе планируемого социологического исследования.

Литература

- Аникин В.А., Каравай А.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободнюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во «Весь Мир», 2022.
- Валеева М.В. Экологическое сознание и поведение современной студенческой молодежи: социологический анализ. *Социодинамика*. 2023. № 7. С. 27–38. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.7.43907>
- Вершиловский С.Г. Взрослость как категория андрагогики. *Вопросы образования*. 2013. № 2. С. 9–15. EDN: QJBMSN
- Газиева И.А. Ценностные детерминанты профессиональной самореализации молодежи. *Вестник МГУ. Серия 18: «Социология и политология»*. 2023. Т. 29. № 2. С. 18–29. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-2-219-243>
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Грицких Н.В., Рыбак Н.С., Сарапулова Л.Н. Особенности типологий социальных страхов современной российской молодежи. *Социология*. 2023. № 3. С. 5–15.
- Демиденко С.Ю. Молодежь между прошлым и будущим. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 1. С. 119–126. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.7>
- Деникин А.В., Деникина З.Д., Проскурина А.С. Жизненные стратегии молодежи в современном социологическом дискурсе и массовой коммуникации. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 4. С. 16–22. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.4.1>. EDN: VPIAXF
- Деникин А.В., Деникина З.Д., Проскурина А.С. Место изучения квантификации в исследованиях жизненных стратегий современной российской молодежи. *Власть*. 2023. № 2. С. 64–72.
- Егоров В.В. Эволюция отечественного законодательства о молодежи. *Политическая наука*. 2021. № 11. С. 44–52. <https://doi.org/10.52623/2227-4383-2-44-25>
- Ильин В.И. «Человеческий капитал» как категория качественной социологии. *Социологические исследования*. 2023. № 3. С. 32–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250024881-2>
- Исаев А.В., Алексеенко Е.А. Ценностные предпочтения и ожидания современной молодежи в сфере труда: социологический анализ. *Проблемы педагогики*. 2023. № 4. С. 33–38. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-176-189>
- Каравай А.В. Неравные возможности в выборе стратегий адаптации как фактор углубления социальных неравенств в российском обществе // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 363–367.
- Коблева З.Х., Каратабан И.А., Губжокова Н.К., Мамижеева З.Х. Добрачное сожительство в современной молодежной среде. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 1. С. 22–29. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.86.92.001>. EDN: MDGQNY
- Лазарев А.Д., Чирун С.Н. Социология молодежи: монография / Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Кузбасский гос. технический ун-т». Кемерово: КузГТУ, 2020.
- Лифанова Т.Е., Кривоносорова Ж.В., Ерохов М.В. Социальная роль цифровизации в становлении всеобщей культуры и ее воздействие на молодежь. *Экономика. Социология. Право*. 2023. № 3 (31). С. 111–119. <https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-03-49-58>. EDN: RXBAOU
- Люберцев П.П. Изучение аспектов изменения жизненного пространства молодежи. *Социология*. 2023. № 5. С. 26–32.
- Максимов В.В. Социально-демографические факторы трансформации идентичности молодежи в условиях становления цифровой экономики. Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2022.
- Максимов В.В. Методические проблемы социологического исследования цивилизационной идентификации российской молодежи. *Социология*. 2020. № 1. С. 159–164.
- Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. EDN: LAFQOX
- Маслодудова Н.В. Социальная активность молодежи в условиях неопределенности. *Социология*. 2023. № 1. С. 33–42.
- Михеева В.В. Жизненно-творческий потенциал студенческой молодежи как основа развития общества. *Социология. Политология*. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 143–150.
- Надуткина И.Э., Конев И.В., Каменева Т.Н., Знахарчук Ф.Р. Факторы формирования гражданской активности молодежи в условиях геополитической нестабильности. *Власть*. 2023. № 9. С. 104–109.
- Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций: монография / кол. авторов; под общ. ред. С.В. Устинкина, А.В. Никитина. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 236–255.
- Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе. *Вестник Института социоло-*

- gui. 2022. Т. 13. № 26. С. 31–47. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788>. EDN: VMDWKO
- Плисюк А.Г. Молодежные когорты в структуре социологического знания. *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 11. С. 89–94.
- Сергеева Н.В. Молодежь как поколение: проблема ценностных ориентаций. Дисс. ... канд. филос. наук. М.: 2002.
- Ситникова А.Д. Социальная ответственность личности: социально-философский и педагогический анализ. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 7. С. 52–59.
- Тимченко А.А. Молодежь в современном российском обществе: проблемы и перспективы. *Общество и право*. 2021. № 4. С. 19–27.
- Тимченко А.А. Теория нелогического действия В. Парето как методологический подход в социологическом исследовании молодежи. *KANT: SS & H*. 2023. № 2 (14). С. 55–65. <https://doi.org/10.34933/2305-8757.30213-14.11>. EDN: INSUNY
- Шабунова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Гражданское участие молодежи в регионе: возможности и ограничения. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. № 26 (1). С. 167–199. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.7>. EDN: MGQIYQ
- Шелгинская В.А. Развитие творческого потенциала личности в условиях цифровизации и цифровой социальной среды. *Society and Security Insights*. 2023. № 2. С. 19–27. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)2-10](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)2-10). EDN: NHAPUI
- Arnett J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford University Press, 2001. P. 3–8. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001>. In English
- Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5. Part 2. P. 9–49. In English
- Bourdieu P. Condition de classe et position de classe. *Archives européennes de sociologie*. 1966. Vol. 7. No. 2. P. 201–223. <https://doi.org/10.1017/S0003975600001417>. In English
- Breen R. Foundations of a neo-Weberian class analysis. *Approaches to class analysis* / ed. by E.O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 31–50. In English
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance. *American sociological review*. 2007. Vol. 72. No. 4. P. 512–532. In English
- Daston L. Life, chance & life chances. *Daedalus*. 2008. Vol. 137. No. 1. P. 5–14. <https://doi.org/10.1162/daed.2008.137.1.5>. In English
- Eitzen D.S., Zinn M.B. *The Reshaping of America: Social Consequences of the Changing Economy* / ed. by D.S. Eitzen, M.B. Zinn. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1989. In English
- Erikson R., Goldthorpe J.H. *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford: Clarendon Press, 1992. In English
- Gershuny J. *Changing times: Work and leisure in postindustrial society*. Oxford University Press, 2003. In English
- Giddens A. *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson, 1973. In English
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Young people in Russia and their life plans: present and future* / WS Publishing Co.Pte.Ltd. 2018. P. 861–880. In English
- Grusky D. *The Past, Present, and Future of Social Inequality. Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. / ed. by D.B. Grusky. Boulder: Westview Press, 2001. P. 1–51. In English
- Konstantinovskiy D.L. *Education and employment in Russia* / WS Publishing Co.Pte.Ltd. 2018. P. 653–677. In English
- Mareeva S.V. *Russian youth: specifics of identities and values* / WS Publishing Co.Pte.Ltd. 2018. P. 233–252. In English
- Scott J. *Power, Domination and Stratification: Towards a Conceptual Synthesis*. *Sociologia Problemas e Praticas*. 2007. No. 55. P. 25–39. In English
- Tyurina I.O. *Youth and digital space in Russia: Internet-participation and communications* / WS Publishing Co.Pte.Ltd. 2018. P. 761–780. In English
- Van Kempen E.T. *The dual city and the poor: social polarisation, social segregation and life chances*. *Urban Studies*. 1994. Vol. 31. No. 7. P. 995–1015. <https://doi.org/10.1080/00420989420080911>. In English
- Weber M. *Class, Status, Party. Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Ed. by David B. Grusky. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1994. In English
- Anikin V.A., Karavai A.V., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Tikhonova N.E. *Society of unequal opportunities: social structure of modern Russia* / edited by N.E. Tikhonova. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2022. In Russian
- Demidenko S.Yu. Youth between the past and the future. *Interakt-siya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 119–126. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.7> In Russian
- Denikin A.V., Denikina Z.D., Proskurina A.S. *Life strategies of youth in modern sociological discourse and mass communication. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2022. No. 4. P. 16–22. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.4.1>. EDN: VPIAXF. In Russian
- Denikin A.V., Denikina Z.D., Proskurina A.S. *The place for studying quantification in research of life strategies of modern Russian youth. Vlast'*. 2023. No. 2. P. 64–72. In Russian
- Egorov V.V. *Evolution of domestic legislation on youth. Politicheskaya nauka*. 2021. No. 11. P. 44–52. <https://doi.org/10.52623/2227-4383-2-44-25>. In Russian
- Gazieva I.A. *Value determinants for professional self-realization of youth. Vestnik MGU. Seriya 18: «Sotsiologiya i politologiya»*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 18–29. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-2-219-243>. In Russian
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *The youth of Russia in the mirror of sociology*. Moscow: FNISTS RAN, 2020. In Russian
- Gritskikh N.V., Rybak N.S., Sarapulova L.N. *Features of typologies of social fears of modern Russian youth. Sotsiologiya*. 2023. No. 3. P. 5–15. In Russian
- Ilyin V.I. «Human capital» as a category of qualitative sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023. No. 3. P. 32–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250024881-2>. In Russian
- Isaev A.V., Alekseenok E.A. *Value preferences and expectations of modern youth in the sphere of labor (sociological analysis)*.

Социум

- Problemy pedagogiki*. 2023. No. 4. P. 33–38. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-176-189>. In Russian
- Karavay A.V. Unequal opportunities in choosing adaptation strategies as a factor in deepening social inequalities in Russian society // The future of sociological knowledge and challenges of social transformations. Moscow: FNISTS RAN, 2019. P. 363–367. In Russian
- Kobleva Z.Kh., Karataban I.A., Gubzhokova N.K., Mamizheva Z.Kh. Premarital cohabitation in the modern youth environment. *GSEiON*. 2023. No. 1. P. 22–29. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.86.92.001>. EDN: MDGQNY. In Russian
- Lazarev A.D., Chirun S.N. Sociology of youth: monograph / Federal Agency for Education, State Educational Institution of Higher Professional Education «Kuzbass State Technical University». Kemerovo: KuzGTU, 2020. In Russian
- Lifanova T.E., Krivososova Zh.V., Erokhov M.V. The social role of digitalization in the formation of a universal culture and its impact on young people. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*. 2023. No. 3 (31). P. 111–119. <https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-03-49-58>. EDN: RXBAOU. In Russian
- Lyubertsev P.P. Studying the aspects of changing the living space of young people. *Sotsiologiya*. 2023. No. 5. P. 26–32. In Russian
- Maksimov V.V. Socio-demographic factors of youth identity transformation in the context of digital economy formation. Dissertation of Candidate of Social Sciences. Moscow, 2022. In Russian
- Maksimov V.V. Methodological problems of sociological research of civilizational identification of Russian youth. *Sotsiologiya*. 2020. No. 1. P. 159–164. In Russian
- Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge: the problem of generations – competition – economic ambitions. Moscow: INION RAN, 2000. EDN: LAFQOX. In Russian
- Maslodudova N.V. Social activity of young people in conditions of uncertainty. *Sotsiologiya*. 2023. No. 1. P. 33–42. In Russian
- Mikheeva V.V. Vital and creative potential of student youth as a basis for development of society. *Sotsiologiya. Politologiya*. 2023. Vol. 23. Issue 2. P. 143–150. In Russian
- Nadutkina I.E., Konev I.V., Kameneva T.N., Znakharchuk F.R. Factors of civic engagement of young people in the context of geopolitical instability. *Vlast'*. 2023. No. 9. P. 104–109. In Russian
- New challenges and threats to the security of the Russian Federation in the context of global and local transformations: monograph / board of authors; ed. by S.V. Ustinkina, A.V. Nikitina. Moscow: RUSAYNS, 2023. P. 236–255. In Russian
- Parma R.V. Civil activity of generations in modern Russian society. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2022. Vol. 13. No. 26. P. 31–47. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788>. EDN: VMDWKO. In Russian
- Plisyuk A.G. Youth cohorts in the structure of sociological knowledge. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015. No. 11. P. 89–94. In Russian
- Sergeeva N.V. Youth as a generation: the problem of value orientations. Dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Moscow: 2002. In Russian
- Sitnikova A.D. Social responsibility of the person: socio-philosophical and pedagogical analysis. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2023. No. 7. P. 52–59. In Russian
- Timchenko A.A. V. Pareto's theory of illogical action as a methodological approach in the sociological study of youth. *KANT: SS & H*. 2023. No. 2 (14). P. 55–65. <https://doi.org/10.34933/2305-8757.30213-14.11>. EDN: INSUNY. In Russian
- Timchenko A.A. Youth in the modern Russian society: problems and prospects. *Obshchestvo i pravo*. 2021. No. 4. P. 19–27. In Russian
- Shabunova A.A., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. Civic participation of youth in the region: opportunities and limitations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2023. No. 26 (1). P. 167–199. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.7>. EDN: MGQI-YQ. In Russian
- Shelginskaya V.A. Developing the creative potential of youth in the conditions of digitalization and digital social environment. *Society and Security Insights*. 2023. No. 2. P. 19–27. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)2-10](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)2-10). EDN: NHAPUI. In Russian
- Valeeva M.V. Ecological consciousness and behavior of modern students: a sociological analysis. *Sotsiodinamika*. 2023. No. 7. P. 27–38. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.7.43907>. In Russian
- Vershlovsky S.G. Adulthood as an andragogy category. *Voprosy obrazovaniya*. 2013. No. 2. P. 9–15. EDN: QJBMSN. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Андрей Вячеславович Дияжев, аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82/1). E-mail: dyajev@yandex.ru <https://orcid.org/0009-0002-7679-5746>

Для цитирования: Дияжев А.В. Жизненные шансы молодежи в условиях неопределенности. *Государственная служба*. 2024. № 3. С. 82–92.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Andrey V. Diyazhev, postgraduate student

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: dyajev@yandex.ru <https://orcid.org/0009-0002-7679-5746>

For citation: Diyazhev A.V. Life chances of youth under conditions of uncertainty. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2024. No. 3. P. 82–92.